

Мандельштам

1) КВЕСТ 1 «чуждый Вифлеем»

Да, я еврей. И для меня это было настоящим клеймом. Меня постоянно гнали и насмехались. В детстве ребята из соседних домов надо мной издевались, дразнили, называли «иудой». И это лишь за то, что я просто другой национальности. Ну как такое может быть? И дороги мне все были закрыты. Благо, смог я получить начальное образование. Но на этом мой путь образования не останавливался. Дальше – университет. Хочу податься в Петербургский. Надеюсь, комиссия не будет корить меня за мое происхождение.

Послание к евреям

Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях Зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники мрака,
Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем,
И яслей вы не увидели.
Для вас потомства нет – увы,
Бесполоя владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои повапленные гробы.
И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы,
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы
ДЕТИ-ПЕРСОНАЖИ

КВЕСТ: Дети – другие абитуриенты ВУЗа, знакомые Мандельштама.

Он просит их, чтобы они подстраховали его, если что. Вместе с детьми Осип придумывает себе легенду (что он не еврей, ошиблись в паспорте при постановке национальности и прочее). Возможно, что они даже подделывают некоторые данные в паспорте. Дети приходят в приемную комиссию.

Принимающая отмечает высокие результаты Мандельштама. В итоге, вскрывается, что Осип еврей. Он уже собирается уходить, но принимающая говорит, что нейтрально относится к евреям и поздравляет с поступлением.

ВЫВОД: Поступил. Надеялся, что хоть в университете нападки на меня закончатся, но... Но не дают мне здесь жития. Преподаватели глумятся, занижают специально оценки. На тетрадях и книгах рисуют звезды Давида, подбрасывают карикатуры. Даже тошно мне здесь. Не выдержал и забрал документы. Надеюсь, хотя бы в другой стране будет лучше. Поступил в Парижский университет, в Сорбонну. Познакомился, к слову, там с

удивительнейшим человеком - Николай Гумилёв. Поразил он меня. Надеюсь, наши пути с ним когда-нибудь сойдутся.

2) Квест 2 “Цех поэтов”

Начал писать и писать много! Друзья мне говорят, что у меня даже неплохо выходит. Я надеюсь, что это не лесть, а у меня действительно выходит писать стихи. Помимо этого, после Сорбонны я таки вернулся в петербургский университет. Но учусь безалаберно. Российское образование несравнимо плохо. И делать мне в университете нечего. Вот и мотаюсь по поэтическим вечерам. Познакомился с Блоком и Ахматовой. Они пишут совершенно замечательные стихотворения! Стараюсь найти в них вдохновение. Опять сошелся с Гумилевым. Все-таки это большая радость встретиться с ним снова! Встреча с ним и с Ахматовой – самое большое счастье в моей жизни.

ДЕТИ-ПЕРСОНАЖИ

КВЕСТ:

Мандельштам рассказывает своим друзьям, что Гумилев открыл новое творческое объединение - “Цех поэтов”. Осип рассказывает, что хочет попасть туда и предлагает стихи на выбор:

Я ненавижу свет

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред,-
Башни стрельчатый рост!
Кружевом, камень, будь
И паутиной стань,
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!
Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так — но куда уйдет
Мысли живой стрела?
Или свой путь и срок
Я, исчерпав, вернусь:
Там — я любить не мог,
Здесь — я любить боюсь...

Эта ночь непоправима

Эта ночь непоправима,
А у нас ещё светло.
У ворот Иерусалима
Солнце черное взошло.
Солнце желтое страшнее —
Баю-баюшки-баю —

В светлом храме иудеи
хоронили мать мою.
Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.
И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели —
Чёрным солнцем осиян.

Дворцовая площадь

Императорский виссон
И моторов колесницы, —
В черном омуте столицы
Столпник-ангел вознесен.
В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.
Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится,
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла.

После того, как дети выбирают стихотворение, Мандельштам приходит к Гумилеву и читает вслух. После этого Мандельштам остается у Гумилева и они слушают Есенина

ВЫВОД:

К счастью, меня взяли в цех! Действительно, это была великая радость для меня! Начал публиковать свои стихотворения в петербургских поэтических сборниках, выступаю в бродячей собаке. В 1913-м году я выпустил первый поэтический сборник! Начинаю греметь по всей России. Общаюсь с многими знаменитыми поэтами! И это бесконечно радует меня.

3) Квест с Цветаевой

С Марией Цветаевой мы познакомились давно, на дачи какого-то поэта, имя которого я бесповоротно забыл. Тогда мы почти не общались с ней, не было повода. Потом в январе, в Петрограде, я смог познакомиться с Марией ближе. Я тогда выпустил новый сборник и подарил его Цветаевой, оставив автограф. Она мне сразу призналась, что очень любит мои стихи и высоко ценит их. Мне было безумно приятно. И вот, однажды, она пригласила меня к себе.

ДЕТИ-ПЕРСОНАЖИ

Дальше это всё - диалоги ОМ и МЦ, а дети прислуга в доме, но им очень интересно, поэтому они убираются, готовят, выполняют какие-то поручения МЦ или ОМ. Всё время находятся в комнате, занимаясь каким-то делом прислуги.

Мир: Мандельштам рассказывает детям, как он переживает перед встречей с Марией Цветаевой и признаётся, что она ему нравится. После этого Мандельштам стучится к Цветаевой. Она просит кого-то из детей открыть дверь.

ОМ: Поэт Осип Мандельштам. Петербургский знакомый Марины Ивановны...

МЦ: Кто там пришел?

Кто-то из детей передает, что это Осип.

МЦ встаёт и подходит к нему.

ОМ: Здравствуйте. Можно пройти?

МЦ: Осип, здравствуй. *протягивает ему руку на поцелуй*

ОМ целует руку!

МЦ: Я часто о вас думала. Ваши стихи это что-то потрясающее. Я искренне считаю вас гением.

ОМ: Это очень приятно слышать, я думал, что Вы уже и забыли меня. Боялся, что встреча в Петрограде не осталась в вашей памяти.

МЦ: Что ж мы стоим, давайте пройдем на кухню, выпьем кофе. \Детям\, подготовьте всё для нас, пожалуйста. Кофе, булочки, масло и варенье. \дети делают бутеры\

ОМ: Я никогда еще не видел такого интересного дома — он похож на шкатулку с секретом.

МЦ: Да, это так. Потому мы сюда и перебрались. Квартира и в самом деле необыкновенная. Вы заметили, сколько здесь этажей?

ОМ: — Ну конечно. В вашем доме два этажа.

МЦ: — Так кажется, если глядеть на него с улицы. Квартира трехэтажная — вот вам первый секрет нашей шкатулки. А ведь есть и другие... Я влюблена в этот дом и никуда отсюда не уеду. Я переехала сюда с мужем Сергеем Эфроном переехали два года тому назад. Дом мне сразу понравился: у одной из комнат был выход на плоскую крышу, в потолке другой — окно, еще тут были интересные узкие лесенки. Сергей хотел присмотреть квартиру побольше, в современном доходном доме: они могли позволить себе многое. Но я решила, что жить надо здесь, а он привык меня слушаться. Особнячок, который нам подарили к свадьбе, мы сдали. Его арендовала частная психиатрическая лечебница, моя родня решила, что это дурной знак. Тот дом был очень уютный, напоминал особнячок в Трехпрудном, где много лет жило семейство Цветаевых... Но я грустила только о лохматом дворовом псе Османе: я очень любила собак, а с домами и вещами расставалась без сожаления.

ОМ: Да, я тоже очень сильно люблю собак...

МЦ: Кажется это единственная вещь в которой мы с вами схожи

ОМ: Да, вы правы. Ведь я сын порвавшего с общиной мелкого купца-еврея, мастераперчаточника, несостоявшегося раввина... А вы Дочь создателя и пожизненного почетного опекуна московского музея изящных искусств имени

Александра III, будущего Пушкинского, знаменитого ученого, профессора Московского университета, знатока античности... В руки моего отца навеки въелась черная краска от кож, с которыми он работал, русский царь не стал бы с ним разговаривать ни при каких обстоятельствах — а Иван Владимирович Цветаев, ваш отец, был представлен императору.

МЦ: Это, наверное, не столь важно. Хотя и детство наше прошло по-разному. Я много путешествовала...

ОМ: Я тоже, только качество этих путешествий у меня совсем другое.

МЦ: Да, я прекрасно понимаю. А почему вы сейчас не на фронте?

ОМ: Изначально я рвался, но по здоровью не подошел, хотя сейчас даже смешно вспоминать мои порывы.

МЦ: А мой муж Серёжа сейчас там.

ОМ: Ваш муж...

МЦ: Да, Сергей Эфрон. Он тоже был на даче у Макса. Вы не помните?

ОМ: Немного припоминаю...

МЦ: Что вы так смутились...

ОМ: Да так, ничего.

МЦ: А почему вы вообще оказались в Москве?

ОМ: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

МЦ: Конечно, с удовольствием. Я люблю Москву и готова вам показать и рассказать о ней. Может сейчас прогуляемся?

ОМ: Хорошо. Только я же приехал не один, так что придется идти всем вместе.

МЦ: Ничего страшного, будет большая экскурсия.

одеваются и идут гулять

ОМ: Марина, я должна вам признаться. Я приехал сюда не ради Москвы, а ради вас. Тогда в Петрограде вы... вы очаровали меня. Я не мог вам этого сказать, ведь у вас есть муж. Но я невероятно влюблен в вас. Вы не представляете как хорошо бродить по чужому городу с женщиной, в которую влюблен, — очаровательной, близкой и в то же время недоступной. Это хмелит сильнее вина, кружит голову больше, чем опиум.

МЦ: Мне лестно ваше внимание. Невероятно приятно слышать такое признание от человека, которого я считаю настоящим гением. После нашей встречи я написала кое-что...

Разлетелось в серебряные дребезги

Зеркало, и в нем — взгляд.

Лебеди мои, лебеди

Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало

Мне прямо на грудь — перо.

Я сегодня во сне рассыпала

Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.
Серебряно мне — петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

ОМ: Марина! Как это прекрасно! Вы настоящий гений! Я тоже писал...

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.
И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

МЦ: Знаете, Москва не та, что несколько лет назад: в войну город изменился. На улицах появилось много солдат из запасных полков, в трамваях толкались локтями злые на весь мир заводские рабочие и эвакуированные из западных губерний. Стало больше грубости и грязи, в воздухе витало ожидание чего-то дурного.

ОМ: Я всё равно очарован городом, мне кажется, что тут еще жива настоящая, допетровская, нутряная Россия. Боюсь, что мне пора возвращаться в Петроград. Марина, я буду скучать... Прощайте, я приеду еще! Мы еще увидимся!

Они расходятся, МЦ возвращается домой.

ВЫВОД: С Цветаевой у нас был бурный, но очень короткий роман. Я читал ей стихи, каждый день признавался в своих самых трепетных чувствах, волочился за ней повсюду, но... Она попросила своих друзей ни за что не оставлять нас с ней наедине. Это была огромная трагедия для меня, тонкого и ранимого поэта. Я даже хотел бросить все и уйти в монастырь. Чуть ли не резал себя, но справился. Пережил.

4) КВЕСТ 4 «сумерки свободы»

Черт знает, что в стране происходит. Знаю одно - так лучше будет. Не сейчас, так потом. Царь нас, евреев, угнетал, свободы не давал. Даст бог, на эшафот его отведут и всё. Но чехарда власти пугает. Сначала какие-то «временные» пришли. Сейчас большевики. У большевиков много евреев, потому они доверия больше всех вызывают. Троцкий, Каменев, Бухарин - все наши. И даже работу предложили, в газете. Мне дали денег, чтобы я путешествовал по стране и продвигал революционные идеи. А мне это только и в радость. Катаюсь по необъятной России, пишу статьи, читаю стихи - что ещё нужно поэту? Прославим, братья, сумерки свободы, Великий сумеречный год! В кипящие ночные воды Опущен грузный лес тенет. Восходишь ты в глухие годы — О солнце, судия, народ. Прославим роковое бремя, Которое в слезах народный вождь берет. Прославим власти сумрачное бремя, Ее невыносимый гнет. В ком сердце есть — тот должен слышать, время, Как твой корабль ко дну идет.

Мы в легионы боевые

Связали ласточек — и вот

Не видно солнца, вся стихия

Щебечет, движется, живет;

Сквозь сети — сумерки густые —

Не видно солнца и земля плывет.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,

Скрипучий поворот руля.

Земля плывет.

Мужайтесь, мужи,

Как плугом, океан деля.

Мы будем помнить и в летейской стуже,

Что десяти небес нам стоила земля.

КВЕСТ - СЛОВЕСКА

ВЫВОД Весело время я провел в Крыму. Решил остаться. Вот, белых окончательно побили. Установилась Советская власть. С Надей Хазиной мы поженились. Живем душа-в-душу, почти не расстаемся. Она замечательная женщина. Меня много публикуют, называют гением. Никогда прежде так не признавали мой талант. Это даже, должен признаться, очень приятно. Понимать, что это всё не напрасно. Хорошо мне.

5) КВЕСТ 5 «Этот воздух пусть будет свидетелем»

ВВОД:

В революции я разочаровался окончательно. После прихода Сталина к власти – никакой свободы. Вообще никакой. Меня перестали печатать так много, как прежде. Многих моих друзей посадили по ложным доносам, за то, что они выражали свое несогласие с политикой Сталина. Вот и против меня ополчились тоже. Государственная цензура душила всякие произведения, которые шли вразрез с политикой партии или же просто не поддерживали верхушку. Меня это доконало. Доконало и всё! Я не мог сидеть в стороне от происходящего. Вот, собственно, и родилось у меня стихотворение «мы живем под собою не чуя страны». Это стихотворение было радикально антисталинским. Мой знакомый, Борис Пастернак, назвал это произведение «самоубийством». Что же, посмотрим.

СОБЫТИЕ МИР

Дети: Гости дома Нади и Осипа Мандельштамов (это организатор и поэт сам со своими детьми) + нужны люди из НКВД, двое(?)

АА: Надя, Осип, у меня нехорошее предчувствие, да и мысли дурные, случится что-то.

Осип: Сейчас только дурные мысли и бывают. Аня, хотел отдать тебе свое стихотворение, которое писал, помнишь? Вот, возьми!

*Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.
И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

*Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорщице найду.*

Надя: Осип, с чего ты?

АА: Послушай, если тоже думаешь, что что-то будет, давай хоть что-то увезем? Препрячем? Может ко мне, может куда еще, хотя бы здесь найдем место.

Дети уговаривают Мандельштама спрятать часть рукописей у них дома, увезти к Ахматовой. Собирают книги, рукописи, бумаги. Временами Осип поднимает лист и читает стихотворения:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.*

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

АА: Об остальном молчу, но эта вещь у тебя “вырублена”, монументально-лубочная.
А уж что заложено - не тайна.

Осип: Конечно, это проще всего. Я хочу, чтоб ее пели на улицах!

*А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать –
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...
И вместо ключа Ипокрены
Домашнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.*

Надя: Ох, теперь и я, Анна Андреевна, неспокойна.

К концу сборов, дверь резко открывают, Мандельштама арестовывают, чекисты роются в бумагах, откладывают арестованные рукописи.

Дети с Ниной и Ахматовой собирают вещи.

Ч: Зачем вы так много вещей даёте с собой, долго не задержим – посидит у нас и отпустим.

Надя: Мы этому не верим уже.

Осип прощается со всеми и уходит в сопровождении сотрудников НКВД.

Буквально сразу после этого, Мандельштама помещают в комнату, а двери закрывают, оставляя детей снаружи. Доносятся крики Мандельштама.

Сотрудник НКВД признается, что Мандельштама арестовали по доносу. Что ему грозит, по крайней мере, ссылка или заключение в ГУЛАГ. Самое худшее развитие событий тоже вероятно. Возможно, Мандельштама попросту расстреляют. Однако, сотрудник НКВД говорит детям, что если они смогут убедить Осипа написать стихотворение про Сталина, то Мандельштама могут помиловать. После этого детей впускают к израненному Осипу. Теперь дети должны выбрать: либо Мандельштам идет на сделку с совестью и пишет стихотворение, восхваляющее Сталина, или Осип остается в заключении.

ВЫВОД То, что со мной делается, – дольше продолжаться не может. Ни у меня, ни у жены моей нет больше сил длить этот ужас. Больше того: созрело твёрдое решение всё это любыми средствами прекратить. Это – не является «временным проживанием в Воронеже», «адмвысылкой» и т. д. Это вот что: человек, прошедший через тягчайший психоз (точнее, изнурительное и острое сумасшествие), – сразу же после этой болезни, после покушений на самоубийство, физически искалеченный, – стал на работу. Я сказал – правы меня осудившие. Нашёл во всем исторический смысл. Хорошо. Я работал очертя голову. Меня за это били. Отгалкивали. Создали нравственную пытку. Я всё-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают

работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Я стал инвалидом. у меня безо всякой новой вины отняли всё: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса... Я — тень. Меня нет. У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. Я не стал никого подставлять. Написал эту проклятую хвалебную оду Сталину. Надеюсь, меня отпустят.

Глазами Сталина раздвинута гора

И вдаль прищурилась равнина.

Как море без морщин, как завтра из вчера —

До солнца борозды от плуга-исполина.

Он улыбается улыбкою жнеца

Рукопожатий в разговоре,

Который начался и длится без конца

На шестиклятвенном просторе.

И каждое гумно и каждая копна

Сильна, убориста, умна — добро живое —

Чудо народное!

Да будет жизнь крупна.

Ворочается счастье стержневое.

Давление на меня действительно ослабили. И снова арестовали. Меня осудили на 5 лет лагерей и отправили на Восток. Везли законченных, как скот. В товарных вагонах. Смог отправить одно лишь письмо. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощён до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мёрзну без вещей. Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка. Родные мои, целую вас. Ося. Это было мое последнее письмо. 27-го декабря, 1938-го года я умру. Мое тело положат в «зимний штабель». Это когда трупы укладывают друг на друга, пока земля не станет мягкой, чтобы захоронить. Место моего захоронения никогда не будет обнаружено точно. Моя жена узнает о моей смерти только спустя два года. Все отмечали, что я был поэтом-провидцем. И я хочу вам прочесть одно из своих самых главных произведений.

1

Этот воздух пусть будет свидетелем —

Дальнобойное сердце его —

И в землянках всеядный и деятельный —

Океан без окна, вещество.

До чего эти звёзды изветливы:

Всё им нужно глядеть — для чего? —

В осужденье судьи и свидетеля,

В океан без окна вещество.

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.
Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать,
И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчёт,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечёт.

2

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами —
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий миры.

3

Сквозь эфир десятичноозначенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число опрозраченный.
Светлой болью и молью нулей.
А за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светлопыльной дорогою —
И от битвы вчерашней светло.
Весть летит светопыльной дорогою —
Я не Лейпциг, не Ватерлоо,
Я не битва народов. Я — новое, —
От меня будет свету светло.
В глубине чернораморной устрицы
Аустерлица погас огонек —
Средиземная ласточка щурится,
Вязнет чумный Египта песок.

4

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задёшево
Притоптали траву в пустоте,
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.
Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оконных смертей,
За тобой — от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте.
За воронки, за насыпи, осыпи
По которым он медлил и мглил,
Развороченный — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

5

Хорошо умирает пехота,
И поёт хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека:
Им обоим найдётся работа.
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество — шар земной!

6

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб его дорогие глазницы
Не могли не вливаться в войска.
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаше, отчизна — отчизне, —
Звёздным рубчиком шитый чепец,
Чепчик счастья — Шекспира отец.

7

Ясность ясеневая и зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,

Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.
Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди — не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Это слава другим не в пример.
И сознание своё затоваривая
Полубморочным бытиём,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнём?
Для того ль заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Чтобы белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчались в свой дом?
Слышишь, мачеха звездного табора —
Ночь, что будет сейчас и потом?

8

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рождён в девяносто четвёртом,
Я рождён в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истёртый
Год рожденья с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рождён в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадёжном году, и столетья
Окружают меня огнём.